

Из воспоминаний Козьмина Михаила Александровича, командира отделения 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Декабрь 1969 г. - февраль 1970 г.

[...] В составе дивизии (тогда она называлась просто 195-ая стр[елковая] дивизия), только что сформированной, в качестве командира отделения вычислителей я прибыл на фронт 22 июля 1942 года. В первый же день дивизия выдержала жестокий встречный бой.

Это было под Воронежем. Дивизия выгрузилась из ж/д вагонов за 70 км от Воронежа, дальше ж/д пути были разрушены, и движения не было. 70-километровый марш дивизия совершила за сутки и сразу с марша вступила в бой с наступающим противником. Наступление пр[отивни]ка было сорвано. Дивизия перешла в наступление и, продвинувшись на 3 км, вплотную подошла к северо-восточной окраине города. [...]

Дальнейшему продвижению мешал сильный минометный и пулеметный огонь пр[отивни]ка.

Командующий артиллерией армии вызвал дивизион ракетчиков («Катюши») и приказал подавить огневые точки противника. «Катюши» дали залп из района командного пункта и тут же уехали лесом в другое место, т.к. противник усиленно охотился за ними. [...]

Не прошло и 10 минут после залпа «Катюш», как на командный пункт был обрушен минометный огонь противника. Н[ачальни]к штаба артиллерии армии был смертельно ранен. Едва успели эвакуировать раненого полковника, как над нами появилось около 20 пикирующих бомбардировщиков «Ю-88».

Командный пункт не был обеспечен укрытиями, имелась только одна небольшая, наспех вырытая щель. Не добежав до щели, я лег в кювет на опушке леса лицом вниз. С визгом на нас обрушились бомбы. За бортом кювета, где я лежал, разорвалась бомба, и меня взрывной волной

выбросило из кювета, перевернуло в воздухе и спиной придавило к земле. Дымом заволокло все. Стало как ночью темно. И тишина – ужасная тишина. Никаких ощущений в теле. Лежу недвижим. В голове мелькнула мысль – конец. Но вот легкий ветерок начинает разгонять дым. Я увидел деревья, людей. Ничего не слышу. Контужен. Пробую двигаться, не могу. Вижу: из щели мне призывно машет рукой майор-помначштаба, указывая вверх и что-то крича. Но я абсолютно глух. Смотрю наверх, а там самолеты пр[отивни]ка делают второй заход. Кричу, не слыша своего голоса: «Не могу подняться». Майор выскакивает из щели, подбегает ко мне, перетаскивает в щель и прикрывает меня своим телом.

Налет окончен. Мне вызывают смену, а меня отправляют в санбат.
[...]

[...] Противник отступал, огрызаясь. 22 сентября вышли на Днепр южнее Днепропетровска и заняли оборону на левом берегу реки. Вскоре нас сменили свежие части, а наша дивизия была переброшена в район Днепродзержинска и начала подготовку к форсированию Днепра.

Во второй декаде октября отдельные части нашего 3-го Украинского фронта осуществили южнее Днепропетровска форсирование Днепра и начали наступление на город. 23-25 октября дивизия форсировала Днепр севернее Днепродзержинска и стремительным броском, с одновременным восстанием рабочих в городе, заставила немцев оставить Днепродзержинск. Удар был так стремителен, что немцы не успели разрушить в городе ни одного здания. Когда мы проходили по городу, то нас провожала непривычная картина. Все цело. Улицы утопают в зелени. Никаких следов войны. Трамваи идут свободно. Пути не разрушены. После картин разрушенных городов и сел, сожженных хат, обугленных скелетов уцелевших печей – целый и невредимый город радовал глаз.

После форсирования Днепра дивизия с упорными боями продвигалась на запад. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 296, л. 9-11. Подлинник. Рукопись.